

Крисия Ковальски

Цена твоего "нет"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Крисия Ковальски

Цена твоего "нет"

<https://litres.ru/73797247>

SelfPub; 2026

Аннотация

Содержит информацию о наркотических средствах или психотропных веществах, употребление которых опасно для здоровья. Их незаконный оборот влечет уголовную ответственность.

Они из разных миров. Он — король университета, избалованный мажор, привыкший получать всё по первому щелчку пальцев. Она — скромная отличница. И она осмелилась сказать ему «нет».

Задетый за живое, парень начинает игру в обольщение, но наталкивается на стальной характер. Однако у «золотой молодежи» свои правила: друзья мажора решают проучить дерзкую девчонку.

Одно «нет» превратило жизнь скромной студентки в охоту. Отказать королю университета — значит бросить вызов всей «золотой молодежи». Когда его друзья перешли черту, она вынуждена обратиться к тому, кому посмела отказать.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Цена твоего "нет"

Глава

Часть первая. Это могло быть любовью – но так и не стало...

Пролог.

*«Цветы пахли весной и надеждой,
но в горле ощущался вкус пепла»*

Неля

«Смотри мне в глаза.

Ты ведь понимаешь,

что никто до тебя не смел сказать мне «нет»?

Эрик Вайсман

Из личного дневника Нели Лисовской

Эрик Вайсман - звучит как имя из списка Forbes или с обложки глянца. Для такой скромной девочки как я, это ассоциируется с западным лоском, дорогими автомобилями и властью. В своём воображении я уже создала образ человека жесткого, дерзкого и опасного. Это имя хищника. Потом я узнала, что Weiss по-немецки «белый», как снег. И

да, Эрик холодный, расчётливый и непробиваемый. Все знают, что столкновение с ним потопит любого студента, как айсберг потопил «Титаник». Вчера я слышала, как его друг Марк сказал своему приятелю: «Смотри, Вайс сегодня не в духе, лучше не попадайся ему под колёса». Кстати, никто в универе не зовёт его по имени, для всех он – Вайс. И это звучит коротко, хлёстко и очень статусно. Он и сам не против, использует своё прозвище как бренд. Он – циничный принц на дорогом авто.

Его красота не сладкая, а хищная. От него исходит ощущение спокойной силы и неограниченных возможностей. Это человек, который выглядит одинаково уместно и на деловых переговорах в пентхаусе, и за рулём мощного внедорожника где-нибудь на бездорожье. Его главный контраст – грубая мужская харизма и идеальная ухоженность, завораживает.

У него внешность холодного нордического красавчика. Это сочетание подчеркнутой мужественности, физической силы и лоска, который обеспечивают большие деньги. Это парень, который может позволить себе лучшее, но при этом выглядит опасным и доминантным. У него взгляд человека, привыкшего, что ему уступают дорогу. Он всегда выглядит идеально. Либо идеально гладкое бритьё, либо ухоженная двухдневная щетина, но никакой небрежности. Его короткие светлые волосы немного взлохмачены и зафиксированы дорогим средством. И его тело... это настоящее

произведение искусства, это настоящий спортивный люкс. У него фигура атлета – широкие плечи, узкие бёдра, развитая шея и крепкие руки, на которые нанесены татуировки. Но самое красивое – это его синие, насыщенного оттенка глаза. Когда он смотрит на тебя внимательно, кажется, что видишь в них тёмную глубину холодного моря. И ещё у него такая красивая обаятельная улыбка, когда он хочет казаться милым.

У меня при виде него каждый раз замирает сердце, и я забываю, как дышать... Но он не должен этого заметить, потому что для меня это станет полным крахом.

Да, и надо же быть такой невезучей глупышкой, как я, чтобы влюбиться в него!

Я, по сравнению с ним, никто. Его отец очень богатый и очень влиятельный человек, имеющий власть, он даже выше отца Ника Мартенса. Потому что отец Ника – дипломат из посольства Великобритании, а отец Эрика – это тот человек, который спонсирует предвыборные компании политиков.

И конечно же, как и любой король, Эрик Вайсман окружён своей свитой. Чаще всего с ним можно видеть Кристину, икону стиля нашего универа. Она дочь медиамагната. На ней брендовые вещи, у неё ровный загар, идеальные чёрные волосы и надменный взгляд. Она – королева улья, которая чувствует угрозу в любой другой девушке.

Марк, Стас и Ярик – типичные вторые пилоты. Бога-

тые, хотя из менее влиятельных семей, чем Эрик и Ник, шумные, не особо обременённые интеллектом, но физически крепкие. Они живут за счёт харизмы Эрика и всегда готовы поддакнуть его шуткам. Мне его друзья очень не нравятся, все они – люди из другого мира, из какой-то далёкой параллельной вселенной. Но среди них выделяется только один. Ник Мартенс. И вот он вызывает во мне уважение. Он всегда спокоен, доброжелательно и ровно относится ко всем, вне зависимости от статуса.

И вот среди этой компании по воле случая оказались я и Маша Снегина. Мы обе учимся по гранту, но Боже мой, как сильно мы отличаемся от остальных!

Но что-то я отвлеклась... Я же завела этот дневник, чтобы писать о нём. Итак, начну с начала... К тому же так приятно снова и снова думать о нём, представлять его, вспоминать каждый момент, связанный с ним... Итак, с начала....

Когда Эрик Вайсман заходит в аудиторию, кажется, что температура в помещении падает на несколько градусов. Его называют «нашим принцем», и это не комплимент, а констатация факта: он безупречен, недостижим и пугающе высокомерен. У него те самые «скандинавские волосы» - цвета арктического блонда, которые он всегда зачёсывает назад, открывая идеально чистый, высокий лоб. Его кожа бледная, почти фарфоровая, что делает его похожим

на оживившую статую.

Иногда его глаза становятся прозрачными и холодными, словно колотый лёд. Когда он смотрит на преподавателя, в них читается скука. Когда он случайно задевает взглядом меня – серую мышку со второго ряда – он смотрит сквозь, словно я стеклянная. В этом взгляде нет иных чувств, только абсолютное, непоколебимое превосходство.

От него пахнет дорогим парфюмом – чем-то древесным и морозным. На нём всегда вещи, которые кричат о статусе своей лаконичностью: брендовый пиджак, идеально выглаженные рубашки, стильные швейцарские часы на запястье. Он движется с ленивой грацией хищника, который знает, что ему здесь ничего не угрожает.

Но самое странное происходит на переменах. Стоит ему оказаться в кругу своих – таких же «золотых» мальчиков и девочек, – как ледяная маска даёт трещину. Он не становится добрым. Он становится острым.

Его губы изгибаются в тонкой, почти красивой усмешке, и он начинает стебаться. Его юмор ядовитый, быстрый и невероятно уверенный. Он может высмеять чьи-то кроссовки или чью-то неловкую фразу так изящно, что жертва даже не сразу поймёт, что её только что уничтожили. В эти моменты его самоуверенность граничит с наглостью: он может закинуть ноги на стол или перебить профессора, и делает это с таким видом, будто мир принадлежит ему по праву рождения.

Я смотрю на него издали и понимаю, что он не просто красив. Он опасен. И эта его недоступность притягивает гораздо сильнее, чем самая обаятельная открытая улыбка.

Из личных заметок в скетчбуке Эрика Вайсмана

Очередной серый понедельник в университете. Я привычно отыгрываю свою роль: прямая спина, безупречный костюм, взгляд, от которого веет арктическим холодом. Друзья вокруг шумят, обсуждают вчерашнюю вечеринку, а я лишь изредка киваю, сохраняя маску «ледяного принца». Нас называют элитой, но иногда мне кажется, что я просто заперт в этой безупречной картинке.

И тут появляется она.

Она вошла в аудиторию тихо, почти бесшумно, но для меня в этот момент весь остальной мир просто перестал существовать. Перевелась из другого города? Я слышал обрывки сплетен, но не ожидал этого.

Скандинавский лёд в моей крови внезапно закипел. У неё волосы цвета горького шоколада - глубокий, насыщенный оттенок, который так контрастирует с моей бледной кожей и светлыми прядями. Я сразу представил, как контрастно мы бы смотрелись вдвоём, как её тёмные волосы оттеняют мою светлую кожу, когда я накручиваю их на кулак...как её шоколадные пряди смешались с моими светлыми во время безумного чувственного танца страсти. Она

убрала их в изысканный пучок, заколотый какой-то изящной безделушкой. И это платье... цвет пыльной розы. Строгое, закрытое, но подчёркивающее такую женственность, о которой здешние девчонки в своих вызывающих нарядах даже не слышали.

Я сижу на заднем ряду, скрытый за спинами своих шумных приятелей. Марк и Ярик вовсю обсуждают новую мишень для шуток, а я чувствую, как внутри закипает глухая ярость. Если они узнают, что она зацепила меня с первого взгляда, я не оберусь тебе. «Принц растаял от серой мышки?» - я уже слышу их издевательский хохот.

Поэтому я молчу. Я смотрю на неё украдкой, через экран ноутбука, делая вид, что записываю лекцию. Когда она отвечает профессору, её голос звучит мягко, но уверенно. Я закрываю глаза на секунду, впитывая этот звук. Он кажется мне чище любой музыки.

Она такая маленькая. Настоящая фарфоровая статуэтка. Рядом с ней я чувствую себя каким-то неотёсанным, огромным детиной. Мои руки, которыми я привык уверенно управлять спорткаром и тягать тренажёры в спортзале, кажутся мне сейчас слишком тяжёлыми и неловкими.

Преподаватель что-то монотонно вещает о гражданском праве, а я смотрю на изгиб её шеи, открытый благодаря причёске. В голове всплывают образы, от которых перехватывает дыхание. Я представляю, как медленно вынимаю эти заколки из её волос, как шоколадные пряди рассы-

паются по её плечам, по платью... по моей коже.

Я представляю её без этой строгой одежды. Хрупкую, нежную, беззащитную и только мою. От этих мыслей становится жарко, и я резким движением поправляю воротник рубашки, снова напуская на себя вид равнодушного сноба. Я не могу позволить себе подойти к ней. Не сейчас. Она слишком чистая для нашего круга, а я слишком боюсь потерять своё лицо перед этой стаей, которую называю друзьями. Но я буду смотреть. Буду изучать каждую деталь, каждый её жест, пока тайное пламя внутри меня не выжжет весь лёд дотла.

Глава первая. Обычная рутина жизни

Мы живём в фантазиях,

в мире иллюзий.

Великая задача человека –

найти реальность».

Айрис Мердок «Суверенность блага»

Кристина замирает у витрины с сумкой из лимитированной коллекции. Она не просит напрямую – это слишком просто. Она умело использует свою любимую тактику эмоционального дефицита.

- Вайс, посмотри на неё... - девушка едва касается пальцами стекла, голос звучит приглушённо и печально, - Пом-

нишь, я говорила, что у Снежаны на вечеринке была такая же, только в жутком цвете? Она весь вечер строила из себя королеву.

Эрик лениво листает ленту в айфоне, но поднимает взгляд.

- И что? Купи себе такую же, в чём проблема?

Кристина тяжело вздыхает, её плечи чуть опускаются. Она мастерски разыгрывает девочку, которую обделили вниманием:

- Ты не понимаешь. Это не просто сумка. Это статус. Я вчера весь вечер чувствовала себя... ну, знаешь, как будто я недостаточно для тебя хороша. Все эти взгляды... Мне кажется, твои друзья думают, что ты на мне экономишь.

Она нежно кладёт ладонь ему на плечо и заглядывает в глаза – взгляд влажный, просящий.

- Конечно, я справлюсь и без неё. Просто обидно, что какая-то Снежана будет сиять, а я... - она замолкает на полуслове, прикусывая пухлые ярко накрашенные губы.

Эрик чувствует, как задето его самолюбие. «Экономлю?» Это слово для него как красная тряпка.

- Глупости. Консультант! – парень щёлкает пальцами, - Оформите эту сумку. И вот те туфли к ней в комплект.

Кристина мгновенно преображается. Печаль исчезает, на лице сияет победная улыбка, а в глазах – холодный расчёт.

- О боже, Вайс, ты лучший! – она целует его в щёку, но её взгляд уже прикован к терминалу оплаты.

После удачного приобретения дорогих стильных вещей Кристина предлагает немного посидеть в ресторане. И когда молчаливый и улыбчивый официант приносит заказ, Эрик хочет просто поесть, но Кристина достаёт айфон и тратит двадцать минут на то, чтобы выстроить идеальный кадр с их десертом для сторис. Она просит Эрика пересесть на другое место, потому что «свет падает не так». Парень подчиняется с недовольным видом, его начинает раздражать понимание, что для Кристины он – просто «аксессуар» для её профиля в соцсети.

Во время обеда Кристина начинает возмущаться каким-то мелким инцидентом: таксист не открыл дверь, официант принёс не тот сорт воды.

- Боже, Вайс, как эти люди вообще живут? Неужели так сложно делать свою работу нормально? Это же просто дно...

И во время её скучного монолога Эрик вдруг вспоминает, как вчера у него сломалась машина и пришлось возвращаться домой на рейсовом автобусе. У Эрика тогда не оказалось налички, а по карте рассчитаться он не смог, так как терминал был сломан. И тогда водитель просто не взял с него оплату, и всё. «Эти люди», о которых сейчас с таким возмущением говорила Кристина, оказались теми, кто реально помог ему, когда его деньги превратились в бесполезный пластик.

После того, как Кристина высказалась, Эрик рассказывает, что вчера у него был тяжёлый день из-за поломки машины.

- Ой, какой кошмар! – восклицает Кристина, - Надеюсь, ты уже купил новую? Та серия уже старовата. Кстати, раз ты без машины, давай поедem завтра к Марку на такси бизнес-класса, чтобы мне не просить машину с водителем у отца.

Она не спросила, как он добрался вчера домой. Ей всё равно, замёрз он или устал. Она видит в его проблеме только повод для обновления автопарка.

Эрик пытается заговорить о юридическом кейсе, который задали разобрать к следующему семинару, но Кристина перебивает парня на середине фразы:

- Милый, это слишком скучно. Ты же будущий адвокат, решишь всё. Лучше послушай, что Лика сказала про мой новый маникюр...

Кристина с воодушевлением описывает реакцию подруги на новый маникюр, а Эрик вдруг внезапно ощущает информационный голод. Он вдруг понимает, что ему уже давно не хватает содержательного, плотного разговора. С Кристиной ему внезапно становится... не о чем молчать.

Эрик решает проверить подругу и в шутку предлагает:

- Слушай, а давай завтра на электричке доедем до Марка. Вечером на кольцевой пробки жуткие, электричкой быстрее будет.

И видит, как на хорошеньком лощёном личике девушки появляются ужас и брезгливость.

- Ты с ума сошёл? Я в этих твоих вагонах новое пальто

испорчу. Ты же знаешь, что оно у меня идеально белое! Да и кто там ездит? Фу, Вайс, это не смешно.

И впервые Эрик видит в том, что его привычно окружает, не «статус», а ограниченность и снобизм. Нет, его подруга Кристина не изменилась. Она осталась такой же, какой была всегда. Изменился Эрик. Теперь её капризы кажутся ему утомительными, а её требования – непомерным налогом на его жизнь.

Этим же вечером у Эрика случается непредвиденное. Именно в этот вечер у него запланировано важное событие. Няня, присматривающая за Соней по выходным, вдруг заболела простудой и слегла с температурой. И шестилетнюю сестрёнку оказалось не с кем оставить. У Эрика же сегодня должны состояться закрытые гонки, которые он организовывал ровно месяц, и где будут все нужные люди для из семейного бизнеса.

Эрик выглядит встревоженно, то и дело бросает взгляд на часы, пока Кристина стоит перед зеркалом, заканчивая идеальный макияж.

- Кристин, выручай, - решается обратиться он к подруге, - Соня тихая, она порисует в комнате, посмотрит мультики. Мне нужно буквально на три часа заскочить на трек, поприветствовать спонсоров и назад. Ты же всё равно хотела вечер дома провести?

Кристина отстраняется, глядя на него так, будто он пред-

ложил ей почистить канализацию.

- Посидеть с ребёнком? Вайс, ты шутишь? У меня через час запись к Алексу на окрашивание, ты же знаешь, к нему очередь на три месяца вперёд! Если я пропущу, мои волосы превратятся в солому к субботней вечеринке.

- Крис, это же Соня. Она тебя любит. Неужели парикмахер важнее, чем моя просьба? Мне, правда, некого больше попросить, все пацаны уже на треке.

Кристина раздражённо закатывает глаза и начинает быстро печатать в айфоне.

- Слушай, ну найми какую-нибудь студентку из агентства. Или пусть твоя охрана с ней посидит. Я не аниматор, Вайс. И вообще, от детей вечно пахнет приторным шампунем и молочной кашей, а у меня новое платье. Ты же не хочешь, чтобы я выглядела как зачуханная домохозяйка на открытии клуба в субботу?

Она целует воздух возле его щеки, оставляя шлейф тяжёлого парфюма.

- Всё, я побежала, такси ждёт. Чмоки! Разберись там сам, ты же большой мальчик.

Кристина уходит, даже не обернувшись, оставив Эрика посреди комнаты с осознанием того, что всем наплевать на его проблемы, на его сестру и на его приоритеты. Даже для его девушки «окрашивание у Алекса» - это весомый аргумент, а его искренняя просьба - это только досадный разговор, и ничего более.

Кристина сама приезжает к нему, узнав, что Эрик пропустил гонки и остался присматривать за сестрой. Она всё-таки чувствует свою вину и по-своему пытается её загладить, проведя большую часть дня в спа салоне, затем обходя бутики и выбирая самое откровенное платье, потом долго прихорашивается и едет к Эрику.

Полумрак комнаты наполняет тихая лиричная музыка, на столике в ведёрке со льдом остывает бутылка игристого шампанского. Кристина, в обтягивающем длинном платье цвета серого жемчуга лениво перебирает пальцами пуговицы на белоснежной рубашке Эрика.

- Ты сегодня какой-то отстранённый, - промурлыкала девушка, придвигаясь ближе.

Эрик уже готов был ответить дежурной шуткой, как тишину разрезал тонкий, захлёбывающийся крик. Затем послышались шлепки босых ног по деревянному полу. Дверь распахнулась, и в комнату влетела маленькая фигурка в пижаме с жёлтыми цыплятами.

- Эрик! Эрик, они... они были там! – маленькая девочка дрожала всем телом, её лицо было мокрым от слёз и красных пятен.

Кристина резко отстранилась, раздражённо поправляя причёску.

- О боже, Вайс, опять? Мы же только начали... У тебя же есть няня, прислуга, почему она бежит сюда?

Эрик не ответил. Его взгляд, секунду назад сонный и скупающий, стал острым и сосредоточенным. Он отстранился от Кристины и в один шаг оказался рядом с сестрой, опускаясь перед ней на корточки.

- Эй, мелкая, ты чего? Я здесь, - его голос стал непривычно низким и мягким.

- Там был дым... и я не могла тебя найти! – всхлипнула Соня, вцепившись пальчиками в его плечи.

Кристина закатила глаза и громко вздохнула:

- Слушай, может, дашь ей успокоительное и вернёмся к вечеру? У меня завтра фотосессия, я должна выспаться.

Эрик на мгновение замер. Он медленно повернул голову к подруге, и в его глазах Кристина увидела лёд, который обычно предназначался деловым конкурентам.

- Такси будет у ворот через три минуты, - отрезал он, - Сейчас я вызову. Собирайся.

- Что? Ты выставляешь меня из-за детского каприза? – возмутилась девушка.

- Крис, мне сейчас некогда, извини. В другой раз.

Когда дверь за разгневанной Кристиной захлопнулась, в комнате воцарилась тишина, нарушаемая только икотой Со-ни. Эрик сел на мягкий ворсистый ковёр, прислонившись спиной к дивану, и устроил девочку у себя на груди, укутывая её полами своей расстёгнутой рубашки.

- Всё, ничего плохого нет. И дыма нет, - прошептал он, поглаживая Соню по голове.

Он начал медленно раскачиваться из стороны в сторону и запел – тихо, почти беззвучно, старую мелодию, которую когда-то им пела мама. Это было просто хрипкое, искреннее бормотание, мало похожее на пение, но Соня постепенно затихала, чувствуя, как мерно бьётся сердце брата под её щекой. В этот момент, сидя на полу, среди роскошной обстановки гостиной, которая не могла защитить от страшных снов, Эрик Вайсман был просто старшим братом, чей мир сейчас сжимался до размеров маленькой дрожащей девочки, его сестрёнки.

Эрик помнил тот день очень отчётливо, как будто всё происходило вчера.

Тяжёлый дубовый стол, полумрак, запах дорогого табака и гнетущая тишина, которая поселилась в доме после похорон. На столе – брошюра элитного интерната в Англии.

В кабинете отца, Эдуарда Львовича, витает запах тяжёлого парфюма, антикварной кожи и власти.

Эдуард Львович сидит за массивным столом, не поднимая глаз от документов, пока Эрик измеряет шагами ковёр.

- Это не обсуждается, Эрик, - голос отца звучит ровно, как линия горизонта на картине художника. Он подписывает какие-то бумаги, не глядя на сына, - Решение принято, Эрик. В Лондоне у меня запуск филиала, я не могу разорвать себя на части. В Англии лучшие педагоги, лучший уход, безопасность и режим. Это не обсуждается. Там из неё сделают ле-

ди, а не капризного ребёнка, который среди ночи бежит по дому с криками. Это дисциплина.

- Ей шесть лет, отец! – Эрик резко остановился, упираясь ладонями в край стола, - Режим? Дисциплина? Она только что потеряла мать. Ты хочешь, чтобы она потеряла ещё и нас? Ты просто сдаёшь её в камеру хранения с золотыми стенами, потому что тебе так удобнее строить свою империю. Соне нужны не педагоги, ей нужна семья.

Эдуард Львович наконец поднял взгляд. Холодный, оценивающий.

- Ты стал слишком сентиментальным. Это дурно влияет на бизнес. Ты сам прошёл через пансион, и посмотри на себя – ты ни в чём не нуждаешься.

- Посмотри на меня?! – Эрик горько усмехнулся, - Я вырос в золотой коробке с чувством, что я – лишь дополнение к твоему банковскому счёту. Я не знал, к кому приткнуться, когда мне было страшно. Ты хочешь того же для Сони? Она же сломается через месяц!

- Хватит драмы, - отец захлопнул папку, - Документы подписаны. Через неделю она уедет в Англию. Это решение главы семьи. Моё решение.

Эрик выпрямился. Вся его напускная расслабленность исчезла, плечи расправились, а взгляд стал пугающе спокойным.

- Отец, не забирай Соню, - тихо, с отчаянием произносит он, и его голос предательски дрожит, но Эрик быстро берёт

себя в руки, - Ты думаешь, я прошу за неё, потому что мне нечем заняться? Отец, посмотри на меня. Она – единственное, в чём я ещё вижу маму. Её смех, то, как она поправляет волосы... Если ты увезёшь её в этот свой элитный рай, в этом доме не останется ничего живого. Только ты, я и призраки.

Рука Эдуарда Львовича, держащая ручку, зависает над бумагой, когда он хриплым голосом произносит:

- Ностальгия – плохой советчик в бизнесе, Эрик.

- Это не ностальгия. Она – моя единственная ниточка. Если ты её оборвёшь, я окончательно потеряюсь. Мне больше не для кого будет возвращаться домой. Пожалуйста... не заставляй меня хоронить маму во второй раз, не разлучай нас с Соней.

Эдуард Львович смягчается на секунду, в глазах мелькает тень боли.

- Ты напомнил мне её сейчас. Она тоже всегда знала, на какие рычаги давить.

- Не забирай у меня Соню, - снова с отчаянием повторяет Эрик.

Эдуард Львович резко поднимает взгляд, выражающий недовольство и досаду:

- Не забирать? А что ты предлагаешь? Оставить её с тобой? Ты сам – ещё ребёнок. Твои интересы заканчиваются там, где закрывается очередной клуб. Ты хоть раз просыпался раньше полудня без звонка моего секретаря?

Эрик подходит к столу, говорит тихо и твёрдо:

- Оставь её. Я перееду из пентхауса обратно в дом. Я сам буду возить её в школу. Никаких клубов, никаких гонок. Я буду с ней.

- Тебя хватит только на неделю, - недоверчиво ухмыляется отец, - Потом тебе станет скучно, и ты найдёшь няню и бросишь Соню на неё. А сам сбежишь к друзьям, к своим одноклассникам, попойкам и вечеринкам.

- Проверь меня. Заключим сделку. Ты ведь любишь заключать контракты?

Эдуард Львович на несколько долгих и мучительных для Эрика секунд замирает, внимательно изучает лицо сына, и только потом говорит:

- Хорошо. Раз уж ты заговорил о контрактах... Ты учишься на четвёртом курсе юрфака, на который я тебя затащил силой. Ты ни дня не работал по профессии. Хочешь оставить сестру? Плата будет высокой.

- Называй цену, - спокойно отзывается Эрик.

- Ты берёшься за ум. С завтрашнего дня ты – младший юрист в моём холдинге. Дистанционно, пока я в отъезде. Каждый контракт, каждая претензия, каждый документ по новому филиалу будет проходить через тебя. Ты лично будешь проверять юридическую чистоту всех сделок. Если я найду хоть одну ошибку, допущенную из-за твоей лени, или если я узнаю, что ты пропустил вечер с сестрой ради вечеринки – Соня улетает в интернат на следующее же утро. Без права на апелляцию.

Эрик выдерживает паузу, смотрит на отца в упор, показывая такой же характер и такую же волю, и только затем отвечает:

- Я согласен. Присылай документы. Я вычитаю их сегодня ночью, как только уложу Соню спать.

Снова тяжёлая пауза, после которой Эдуард Львович достаёт из стола папку и пододвигает сыну.

- Здесь первые договоры по логистике в Эмиратах. Жду отчёт к восьми утра. И запомни, Эрик... теперь ты отвечаешь не только за свои счета, но и за её детство. Не подведи её.

Эрик берёт папку, не отрывая взгляда, выражающего упертость, от отца.

- Я не подведу её. А работать на тебя... считай, что это моя первая настоящая практика.

Эдуард Львович уходит, оставляя сына с контрактом для Эмиратов. Именно в этот момент Эрик впервые в жизни чувствует на плечах не бренд дорогого стильного пиджака, а реальный груз ответственности. Устный договор вступил в силу.

И вот, работа на износ становится для Эрика своего рода искуплением и способом сохранить живую память о матери через заботу о сестре. Но он, конечно, не превращается в заворника в один миг, но его приоритеты бесповоротно смещаются. Теперь его лидерство в компании друзей-мажоров приобретает другой, почти покровительственный и отстра-

нённый оттенок.

Вечерами в пятницу и в субботу вокруг Эрика собирается привычная свита: золотая молодёжь, звон бокалов, громкая клубная музыка. Но сам он чаще всего сидит в модном баре в углу дивана не с коктейлем, а с планшетом, на котором открыт PDF – файл сложного инвестиционного контракта.

- Вайс, ты издеваешься? Бросай этот планшет, девчонки уже заждались. Давай по текиле, сегодня же гонки на набережной! – усмехается Марк.

Эрик, не поднимая глаз, правит пункт о форс-мажорных обстоятельствах и отвечает:

- Текила отменяется. И гонки тоже. У меня завтра в восемь утра конференц-колл с Эмиратами, а в семь – нужно проверит съела ли Соня кашу перед школой.

- Ты серьёзно? – со смехом переспрашивает Марк, - Ты теперь папочка года? Да ладно, расслабься, отец не узнает.

Эрик резко отрывается от экрана, его взгляд, как всегда, в минуты эмоционального напряжения потемнел, стал холодно-синим, ледяным.

- Я не из-за отца это делаю. И расслабиться не могу – на кону слишком много. Хотите пить – пейте. Я здесь ещё на полчаса, пока документы не отправлю, и домой.

Глава вторая. Между страницами старых книг

«Внимание – это

редчайшая и чистейшая

форма щедрости».

Айрис Мердок «Книги и любезности»

В кафе стоял привычный гул, но для Эрика Вайсмана мир внезапно сузился до одного столика у окна. Он, привыкший брать от жизни всё самое яркое и дорогое, замер, сражённый тихой красотой, которую не купишь за деньги.

Солнечный луч, пробившийся сквозь панорамное стекло, запутался в её волосах цвета горького шоколада, заставляя их отливать тёплым золотом. Она склонилась над книгой, полностью погружённая в свой мир, и эта отстранённость манила его сильнее дерзкого вызова. На ней было лёгкое платье цвета пыльной розы, которое подчёркивало её хрупкость. Девушка казалась почти прозрачной, фарфоровой статуэткой: изящные запястья, тонкие пальчики, перелистывающие страницу, точёные ножки в аккуратных туфельках, едва касающихся пола. Миниатюрная, беззащитно-женственная, она выглядела воплощением нежности в этом шумном городе.

Он поймал себя на том, что любит изгибом её нежных губ, трепыханием длинных тяжёлых ресниц. Внутри него, вместо привычного дерзкого азарта, вдруг разлилось непривычное, щемящее тепло. Эрику не хотелось подходить с дежурной фразой – хотелось просто смотреть, боясь спугнуть это мимолётное видение, освещённое осенним светом. Каза-

лось, нежная экзотическая бабочка села на его ладонь, и он замер, чтобы её не спугнуть.

Парень сделал глубокий вдох, пытаясь унять непривычную дрожь в руках. Тот, кто привык открывать любые двери ногой, сейчас чувствовал себя школьником перед экзаменом. Внутри боролись привычное желание отпустить колкость и странное, тягучее чувство, которое заставляло ладони потеть. Сглотнув внезапный ком в горле, Эрик подошёл к её столику. Его тень упала на страницу, и девушка медленно подняла голову.

Он поправил воротник дорогой куртки, выдохнул и, стараясь подавить дрожь в голосе, произнёс:

- Привет, - и это прозвучало непривычно мягко, без тени его обычного превосходства, - Извини, что отвлекаю... Я заметил, ты очень увлечена. Что читаешь?

Он ожидал чего угодно: смущения, кокетства, даже страха. Но девушка медленно подняла голову, и Эрик на мгновение забыл, как дышать. На него взглянули глаза такого пронзительного, небесно-голубого оттенка, что в кафе словно стало холоднее.

- Здравствуйте, - ответила она. Голос её был ровным, безупречно вежливым и ледяным, - К сожалению, я не могу сейчас пообщаться. Я очень тороплюсь, мне уже пора уходить.

На синей обложке золотом блеснуло имя автора и название. Айрис Мёрдок «Море, море».

- Сложная вещь, - голос его, обычно уверенный и звуча-

ный, сейчас предательски дрогнул, - Одержимость, призраки прошлого... Тебе нравится?

Она посмотрела на него в упор, и его будто обдало ледяными брызгами. И снова он попал под обаяние этих глаз невероятного цвета – глубокого, изменчивого, штормовое море, о котором писал автор. В этом взгляде не было ни тени кокетства или интереса, только дистанция в тысячи километров, они завораживали и влекли окунуться с в их прозрачно-холодную глубину.

- Простите, - произнесла она, и её голос прозвучал мягко, но с холодностью арктического льда, - Я предпочитаю проживать такие книги в одиночестве. Всего доброго.

Эрик замер, когда она поспешно закрыла книгу.

Он успел заметить, что страница была заложена старой открыткой, а внизу, на полях, виднелась короткая цитата, обведённая тонкой линией:

«Любовь – это чрезвычайно сложное осознание того, что кто-то другой, кроме тебя, реален».

Эти слова ударили Эрика сильнее, чем её холодный отказ. Весь его мир до этого момента крутился вокруг его собственного «Я», его желаний и его превосходства. А эта девушка с нереальными небесными глазами только что посмотрела на него так, будто он – всего лишь досадная помеха на пути, а не центр вселенной.

Девушка смахнула сумку на плечо одним плавным движением и поднялась. Эрик хотел было сказать, что он не хотел её напугать, что он просто... но слова застряли в горле. Девушка быстро пошла к выходу, через секунду зазвенел колокольчик на двери, и его прекрасное видение исчезло в толпе студентов.

Эрик остался стоять у пустого стола. Вокруг него по-прежнему смеялись «свои», кто-то окликнул его по имени, ожидая очередной шутки, но он не слышал. Впервые в жизни его уверенность рассыпалась в прах. Эрик Вайсман чувствовал себя дезориентированным и потерянным, глядя на то место, где только что светились эти невозможные колдовские глаза, не оставившие ему ни единого шанса.

Она ушла, оставив после себя едва уловимый аромат нежных фиалок и холодного ветра, а Эрик остался стоять, чувствуя, как внутри него медленно рушится привычный фасад «дерзкого мажора». Он вдруг понял, что для неё он пока – не более чем строчка в скучной книге, которую не хочется дочитывать.

Солнце всё так же светило, но для Эрика свет вдруг стал серым и плоским. В груди разлилась тяжёлая, холодная пустота, будто та самая морская пучина, о которой он только что пытался заговорить, сомкнулась над его головой, оставив один на один с тишиной.

Эрик Вайсман стоял неподвижно, не замечая, как официанты огибают его, точно застывшее изваяние. Внутри него

бушевал шторм, посильнее того, что описан в книге Мёрдок. Опустошение от её ухода странным образом переплеталось с диким, лихорадочным восторгом.

Он, знавший десятки женщин, чей смех был звонким, а взгляды – приглашающими, впервые столкнулся с чем-то... нереальным. Незнакомка не просто прошла мимо – она будто сошла с полотна Рафаэля или материализовалась из его самых сокровенных, забытых снов. Эта девушка являлась живым воплощением мечты, о существовании которой в этом циничном мире он даже не подозревал. В её холодном «простите» и цвете глаз, вобравших в себя всю соль и глубину океана, он почувствовал не отказ, а узнавание. Это было пугающее и одновременно исцеляющее чувство: его душа, вечно кочующая от одной яркой пустышки к другой, вдруг признала в этой знакомке своё прибежище. Ему казалось, что они были знакомы тысячи лет назад, в других жизнях, и сейчас он просто нашёл ту самую родственную душу, которую искал через века.

Мир вокруг стал декорацией. Все его прежние ценности – дорогая машина, счета, статус, друзья, красивые девушки – всё превратилось в пыль на ветру. Важным осталось только одно: она существует. Его мечта. И этот факт в одну секунду навсегда изменил его, наполнив жизнь смыслом, который станет одновременно и его спасением, и его проклятием.

Эрик никогда не заходил в книжные магазины – обычно

всё, что ему было нужно, помещалось в экран смартфона или решалось звонком личному ассистенту отца. Но сейчас он стоял перед высокими стеллажами, чувствуя себя абсолютно не в своей стихии. Запах бумаги и свежей типографской краски давил на него сильнее, чем разборки в ночных клубах.

- Мне нужна Мёрдок. «Море, море», - бросил он консультанту, стараясь вернуть себе привычный тон хозяина жизни.

Когда тяжёлый томик оказался в его руках, Эрик сел прямо там, в глубокое кожаное кресло в углу магазина. Он лихорадочно листал страницы, пока не нашёл ту самую фразу, которую успел подсмотреть у девушки с глазами цвета моря и шоколадными волосами.

«Любовь – это чрезвычайно сложное осознание того, что кто-то другой, кроме тебя, реален».

Он перечитал это трижды. Для Эрика мир всегда был декорацией, а люди – массовой. Девушки являлись трофеями, друзья – свитой. И тут эта новенькая со своими нереально притягательными глазами просто вычеркнула его из реальности одним вежливым отказом. Она была реальной. А он в её глазах, кажется, - нет.

Эрик закрыл книгу. Его пальцы слегка дрожали. Он понял, что не может просто подойти к ней завтра и снова завести пустой разговор. Ему нужно было стать кем-то большим,

чем просто «дерзким мажором» на дорогой тачке, чтобы она хотя бы запомнила его имя.

Эрик понимал: если он снова подойдёт к ней со своими дежурными подкатами, она даже не поднимет глаз. Ему нужно было заговорить на её языке.

На следующее утро он пришёл в библиотеку задолго до начала лекций. Он нашёл место, где она обычно сидела – у того самого окна за полками с античной литературой. Его сердце колотилось так, будто он проворачивал опасную сделку, а не просто клал листок бумаги на деревянную поверхность стола.

Он выбрал другую цитату из «Море, море», которую нашёл вчера вечером и которая не давала ему уснуть. Аккуратным, на удивление чётким острым почерком Эрик вывел на дорогой плотной бумаге:

«Мысль о том, что другие люди существуют, настолько невероятна, что мы почти никогда не принимаем их всерьёз».

Ниже, чуть помедлив, он добавил всего одно слово: *«Прости».*

Эрик отошёл в тень стеллажей и замер, наблюдая. Через десять минут она вошла. На ней то же невероятно женственное платье, но поверх него надет строгий серый пиджак, при-

дающий её тонкой фигурке ещё большую хрупкость, строгие чёрные туфельки, невероятные шелковистые волосы собраны в очень изящную и одновременно строгую причёску в стиле пятидесятых. Её манера, очень элегантная и женственная, напомнили ему образ актрисы Любовь Орловой. И да, казалось, эта девушка пришла в его реальность совсем из другого мира, казавшимся ему призрачным и таинственным. На её тонком лице не было косметики, но густые ресницы отливали чернотой, а нежные губы имели бледный коралловый цвет, что, казалось, покрыты перламутром и контрастировали с бледной фарфоровой кожей. Его незнакомка была невероятной, от неё невозможно оторвать взгляда, невозможно забыть!

Она подошла к столу, заметал записку и замерла.

Эрик видел, как её тонкие пальцы коснулись бумаги. Она прочитала текст, и на мгновение её ресницы дрогнули. Она не оглянулась в поисках того, кто это оставил, но её движения стали медленнее. Девушка аккуратно вложила записку в свою книгу – точно в то место, где была закладка.

Эрик выдохнул. Она не выбросила его послание. Она приняла этот беззвучный диалог.

Этим же утром он выбирает в библиотеке один из самых загадочных и глубоких романов Айрис Мёрдок «Бегство от волшебника», а вечером, сидя за столом в кабинете отца, долго листает книгу, выискивая то самое предложение, которое могло бы пробить ледяную бронь незнакомки. Выбрав

цитату с этой книги, Эрик не просто извиняется, он вступает с девушкой в интеллектуальную дуэль, показывая, что он не так прост, как кажется в своей дорогой кожаной куртке.

В итоге он выбрал слова, которые звучали как манифест:

«Свобода – это не просто возможность делать то, что хочешь; это мужество признать, что ты можешь быть кем-то другим, чем ты привык быть».

Эрик положил записку на её привычное место в библиотеке. В это раз он не стал прятаться за стеллажами. Он сел за соседний стол, открыл свой ноутбук и сделал вид, что погружен в работу, хотя на самом деле краем глаза следил за каждым движением девушки.

Она пришла ровно в 9:00. Увидела листок. На это раз она не просто убрала его в книгу. Девушка замерла, вчитываясь в каждое слово. Эрик заметил, как её тонкие брови слегка взлетели вверх от удивления. Она медленно подняла голову и – впервые – сама начала искать глазами того, кто это написал.

Их взгляды встретились. Нет, цунами не случилось, извержения вулкана не произошло. Но что-то неуловимо изменилось. Эрик не улыбнулся своей привычной самоуверенной улыбкой. Он просто кивнул ей – серьёзно и почти официально, признавая её право на дистанцию.

Девушка смотрела на него долгие пять секунд. Её гла-

за цвета весеннего неба больше не были ледяными, в них появилось странное, изучающее любопытство. Она достала ручку, что-то медленно и задумчиво начала писать на обратной стороне его же записки и закончив, поднявшись, прошла мимо него к выходу.

Проходя мимо его стола, она аккуратно, почти невесомо, уронила листок перед ним.

Эрик схватил листок, как только за девушкой закрылась тяжёлая дверь библиотеки. Его пальцы слегка дрожали, когда он переворачивал бумагу. На обратной стороне, её каллиграфическим, аккуратным почерком, была выведена цитата, которая разом вернула его с небес на землю.

Она выбрала слова из того же «Бегства от волшебника», но те, что ставили между ними невидимую, непроницаемую стену:

«Существуют миры столь далёкие друг от друга, что между ними нет ни моста, ни тропы. Тот, кто пытается их соединить, лишь разрушает тишину обоих».

Ниже, без тени кокетства, была приписка:

«Пожалуйста, не разрушайте мою тишину. Мы говорим на разных языках, даже если читаем одни и те же книги».

Эрик почувствовал, как внутри всё сжалось. Это было больнее, чем если бы она накричала на него или высмеяла перед всей «золотой молодёжью» университета. Она не про-

сто отказала ему – она признала его чужим. Существом из другого измерения, с которым ей не о чем делить даже общую страницу в книге.

Он смотрел в окно, наблюдая, как её тонкий силуэт исчезает в утреннем влажном тумане университетского парка. Его дорогая машина на парковке, его статус, причастность к солидному бизнесу отца, его деньги – всё это вдруг показалось ему тем самым «разрушительным шумом», о котором она написала.

Эрик понял, что слова, какие бы он не сказал, только усилят «шум», который её пугает. Ему нужно было найти не просто красивую фразу, а нечто настолько искреннее и обезоруживающее, чтобы стена между их мирами хотя бы дала трещину.

Он купил подарочное издание «Бегства от волшебника» - в тканевом переплёте, пахнущее типографической краской и тайной. Он долго листал страницы, пока не нашёл слова, которые заставили его самого замереть. Эрик подчеркнул их тонким карандашом, едва касаясь бумаги, и оставил книгу на столе в библиотеке, когда в зале ещё никого не было.

На этот раз он не остался ждать. Он ушёл, оставив за собой право на её тишину.

Когда она открыла книгу на заложенной странице, её взгляд упал на цитату, которая в контексте их странного диалога звучала как самое тихое и честное признание, на кото-

рое был способен человек его круга:

«Любовь – это когда ты осознаёшь, что реальность другого человека гораздо важнее твоей собственной. Это признание того, что ты – не центр мира, и готовность смиренно стоять на его пороге».

Ниже, на полях, Эрик добавил всего несколько слов, которые перечеркивали всю его прошлую дерзость: *«Я не хочу разрушать твой мир. Я просто хочу научиться в нём дышать. Прости за мой шум».*

В этот день, уходя из библиотеки, она не просто спрятала книгу в сумку. Она прижала её к груди, и те, кто проходили мимо неё в этот момент, могли бы поклясться, что в её задумчивом взгляде на мгновение растаял лёд, уступив место растерянности, в которой уже не было холода.

Глава третья. Наступить в капкан

*«Мы часто не можем
простить людям именно то
добро, которое они нам сделали»
Айрис Мердок «Бегство от волшебника»*

На следующий день она шла по коридору, прижимая подарок Эрика к груди. Лёд в её сердце не просто треснул – он та-

ял. Она уже повторяла слова, которые скажет ему: простые, без книжных цитат, просто «спасибо» и, возможно, приглашение выпить кофе. Ей хотелось верить, что за маской мажора скрывается душа, способная на такую тонкую печаль.

Но, не дойдя до поворота в холл, она замерла. Из-за открытой двери пустой аудитории донеслись голоса её новых знакомых – двух девушек с её потока.

- ... да брось, ты видела, как Вайс вокруг неё вьётся? – со смешком произнесла одна из них, - Наша «святоша» и главный бабник универа. Это же комедия!

- Спорим, он на неё пари заключил? – подхватила вторая, и в её голосе послышался яд, - У него же репутация циника высшей пробы. Вспомни ту историю с блондинкой с истфака или как он бросил Лику прямо на её дне рождения. Для него люди – это шахматные фигуры. А эта новенькая со своими книжками – просто забавный трофей, «экзотика» для его коллекции.

- Точно! Он же мастер пускать пыль в глаза. Наверняка выучил пару умных фраз, чтобы затащить её в постель. Не верь ему, если он начнёт строить из себя романтика. Это всё сценарий, проверенный ещё со старшей школы.

Девушка за дверью почувствовала, как кровь отливает от лица. Те самые задумчивые небесные глаза, в которых ещё минуту назад искрилась надежда, мгновенно остекленели, став ещё холоднее, чем в их первую встречу.

«Сценарий. Проверенный со старшей школы», - эхом ото-

звалось в её сознании.

В этот момент в конце коридора показался Эрик Вайсман. Он увидел её и, вопреки своему обычному стилю, приветливо махнул рукой, на его лице появилась искренняя, почти детская улыбка облегчения. Он ускорил шаг, направляясь к ней, не подозревая, что каждое его движение теперь кажется ей отрепетированным жестом опытного охотника.

Она не отвела взгляд. Она смотрела прямо на него, но в этом взгляде больше не было любопытства – только глубокая, выжженная разочарованием пустота.

Эрик не ожидал, что возвращение книги может быть таким болезненным. Она не устроила сцену, не кричала и не обвиняла. Она просто подошла к нему в гулком холле, протянула томик Мёрдок и, встретившись с ним взглядом, в котором не осталось ничего, кроме вежливого безразличия, прошла мимо. Словно его никогда не существовало. Словно он – лишь помеха, шум, который она успешно «отключила».

Сейчас, сидя за последней партой в аудитории, Эрик не слышал лекцию по международному праву. Он открыл «Бегство от волшебника» и смотрел на те страницы, которые она листала. Теперь, зная, что она считает его лжецом и игроком, каждое слово в книге жгло его, как клеймо.

Он перечитывал те цитаты, которые теперь казались ему пророчеством его собственного краха:

«Мы часто не можем измениться не потому, что у нас

нет воли, а потому, что окружающие нас люди крепко держат нас в плену того образа, который они для нас создали».

«Самое страшное одиночество – это не отсутствие людей вокруг, а осознание того, что ты говоришь правду, но тебе верят лишь тогда, когда ты лжёшь».

И самая горькая цитата, на которой он задержал взгляд дольше всего:

«Иногда мы стучимся в двери, которые навсегда закрыты не потому, что за ними никого нет, а потому, что мы сами когда-то выбросили ключ, даже не заметив этого».

Эрик провёл пальцем по подчёркнутой им вчера фразе о «реальности другого человека». Теперь он понимал её слишком хорошо. Эта девушка была для него реальнее всех в этой аудитории, но для неё он превратился в призрака.

Эрик захлопнул книгу. На обложке остался след от её пальцев – или ему так просто хотелось верить.

Это стало временем, когда даже «свита» притихла, украдкой и с недоумением наблюдая за поведением короля университета.

Его дорогие кроссовки теперь бесшумно ступали по ковровым дорожкам библиотеки, а вместо шумных компаний в

барах и ночных клубах он выбирал дальний угол читального зала. Он действительно пытался. Он перестал язвить, сменил вызывающие кожаные куртки, цепи, браслеты и футболки с дерзким принтом на простые свитера и, кажется, впервые в жизни начал по-настоящему учиться, обложившись книгами.

Но для неё он оставался невидимкой. Или, что ещё хуже, неприятным осадком.

Стоило Эрику Вайсману войти в читальный зал и заметить её знакомый затылок у окна, как внутри всё замирало. Он старался сесть не слишком близко, чтобы не пугать, но и не слишком далеко, чтобы просто чувствовать её присутствие. Но реакция девушки всегда была одинаковой.

Как только она слышала шорох его шагов или видела краем глаза его высокую фигуру, её движения становились резкими. Она не смотрела на него. Она просто собирала свои тетради, закладывала книгу первой попавшейся бумажкой и, не дочитав страницу, переходила в другой конец читального зала или вовсе уходила из библиотеки.

Этот звук – хлопанье закрываемой книги и шорох её шагов, удаляющихся от него – стал для Эрика самым невыносимым звуком на свете.

Однажды он не выдержал. Когда она в очередной раз встала, едва он успел сесть за соседний стол, он тихо, почти умоляюще произнёс:

- Я просто пришёл почитать. Тебе не обязательно уходить.

Она остановилась на секунду. Не оборачиваясь, лишь слегка повернув голову, так что был виден только контур её тонкого профиля, она ответила тихим, лишённым эмоций голосом:

- В этом зале слишком много сквозняков, Эрик. Мне неуютно.

И ушла. Эрик остался сидеть, глядя на пустой стул. Он понимал: «сквозняки» - это он. Его прошлое, его репутация, его фальшивый блеск, который он так отчаянно пытался соскрести с себя, всё ещё тянулись за ним ледяным шлейфом.

Он открыл принесённую с собой книгу Мёрдок «Колокол» и наткнулся на фразу, которая хлестнула его по лицу:

«Трудно быть добрым к тому, кто тебя не замечает. Но ещё труднее быть добрым к тому, кто видит в тебе лишь то, чем ты больше не являешься».

Стена игнорирования оказалась прочнее, чем Эрик мог вынести. Его попытки стать «лучшей версией себя» разбились о её ледяное безразличие. Вечером, когда тишина библиотеки стала окончательно удушающей, он сорвался.

Эрик поехал в самый шумный бар города – туда, где его знали как короля вечеринок, где не нужно было быть глубоким, искренним или начитанным. Музыка была по перепонкам, заглушая мысли о холодных колдовских глазах и цитатах Мёрдок.

Уже через полчаса он сидел у барной стойки, окружённый приятелями и друзьями, которые встретили его шумным смехом, громкими возгласами и шутками. Он чувствовал себя как король, наконец-то вернувшийся из изгнания. Он щедро угощал друзей выпивкой за свой счёт и стал прежним Эриком Вайсманом, которого знали его друзья.

Через два часа он уединился за столиком, окружённый двумя незнакомыми девушками. Они смеялись над его пошлыми шутками, вешались ему на плечи и пили дорогой виски за его счёт. Эрик пил стакан за стаканом, пытаясь вытравить из памяти фиалковый аромат её волос.

- Вайс, ты сегодня такой щедрый, - ворковала одна из них, поглаживая татуировку на его предплечье, - Расскажи ещё что-нибудь дерзкое.

- Дерзкое? – Эрик горько усмехнулся, его взгляд был затуманен и расфокусирован, - Я могу рассказать вам про «миры, между которыми нет моста». Но вы же не поймёте... Никто не поймёт.

Он выглядел так, как никогда не позволял себе до этого: стильная дорогая рубашка помята, волосы в беспорядке, в покрасневших воспалённых глазах – злая, пьяная тоска.

В этот момент в баре и появился Ник Мартенс. Он сразу увидел эту картину: Эрик, находящийся на грани пьяного беспометства, и девицы, которые явно надеялись на продолжение вечера. Ник подошёл решительно, отодвинул одну из девушек и схватил пьяного друга за плечо.

- Так, представление окончено. Поехали домой.

- Оставь меня, Ник... - пробормотал Эрик, пытаясь стряхнуть его тяжёлую руку, - Я вернулся в свой мир. Здесь тепло... здесь нет сквозняков...

- Ты в дерьме, а не в своём мире, - отрезал Ник, поднимая парня и взваливая его на своё плечо, - Посмотри на себя. Ты из-за неё превращаешься в то, что всегда презирал. Ты превращаешься в слабака.

Ник вытащил его на холодный ночной воздух и затолкал в свою машину. Эрик прижался лбом к холодному стеклу, и в его пьяном мозгу всплыла последняя фраза, которую он прочитал сегодня:

«Легче всего вернуться к пороку, когда добродетель тебя отвергла».

На следующее утро по университету уже гуляли «сторис» из того самого бара. На одной из них Эрик Вайсман, с растёгнутым воротом рубашки, обнажающим его мускулистую грудь в татуировках, сидел за столиком с затуманенным пьяным взглядом, приобнимал двух смеющихся блондинок, а перед ним выстроилась батарея пустых стаканов. Подпись гласила: «Король вернулся в игру! Библиотеки подождут». Она увидела его фото случайно, когда проходила мимо группы однокурсниц, бурно обсуждавших вчерашнюю попойку в баре, щедрость Вайсмана и его новых девушек на один вечер,

и показывали друг другу фото с телефона, сделанные в баре. Лишь на мгновение она замерла, услышав его имя, и взглянула в экран айфона, где Эрик, в окружении двух полураздетых девушек, пил спиртные напитки. Она отшатнулась от протянутого экрана айфона, в её влажных глазах промелькнула тень – не то боли, не то разочарования в самой себе за то, что почти поверила в его искренность.

Она крепче сжала лямку сумки. «Глупая, - пронеслось в голове, - Как можно было подумать, что человек может измениться за неделю? Мои любимые писатели для него – просто способ взломать чужую защиту».

В этот момент она окончательно выстроила вокруг себя ледяную крепость. Она запретила себе даже думать о том, что в его взгляде, тогда в библиотеке, жила искренность.

«Это была всего лишь хорошая актёрская игра, - убеждала она себя, - А теперь маски сброшены. Он там, где ему и место – в пьяном угаре, среди роскоши и доступных девушек».

После лекции она столкнулась с Эриком в коридоре. Он выглядел ужасно: бледный, с тёмными кругами под глазами и дрожащими руками. Он попытался сделать шаг к ней, его губы дрогнули, готовясь произнести её имя – тихо, без претензий.

Но она не просто прошла мимо. Она посмотрела сквозь него с такой сокрушительной, вежливой пустотой, что Эрику показалось, будто его ударили под рёбра и ему стало нечем дышать. В её глазах не было злости – только окончательное,

бесповоротное решение. Она больше не боялась его «шума», потому что он перестал для неё существовать.

Глава четвёртая. Непрístupная королева

*«Ад – это когда ты не
можешь никого любить»*

Айрис Мердок «Море, море...»

Для всех остальных он – Вайс. Это бренд, статус. Это кличка, которая говорит о его силе, деньгах и недостижимости. Отец, называя его по фамилии, будто подчёркивает, что Эрик – лишь продолжение семейного бизнеса, а не личность. Когда же это имя – Эрик – произносит Неля, у него происходит триггер памяти. Так называла его мама, и это имя у него неразрывно связано с образом матери, единственного человека, который любил его безусловно. Услышать его из уст этой девчонки – всё равно что получить внезапный укол в старый шрам. Это больно, но эта боль доказывает, что он ещё что-то чувствует.

Его злит её правильность. То, что она называет Машу Марией, а преподавателей – подчёркнуто уважительно, кажется ему архаичным и странным. Он воспринимает это как её отказ играть по правилам их «стаи», где всё сокращают, упрощают и обесценивают друг друга. Да, для всех - препод Арсеньев, и только для неё он Виктор Степанович. То, как она

называет окружающих людей полными именами, создаёт вокруг неё ореол благородства, которого нет в его окружении.

Он пытается не показать, как сильно у него в этот момент перехватило дыхание, когда она произнесла: «Добрый день, Эрик» вместо привычного «Привет, Вайс», и его показное раздражение – лишь защитная реакция и попытка остановить её прежде, чем она заберётся ему под кожу слишком глубоко. В глубине души это имя в её исполнении звучит для него как музыка. Он начинает подсознательно создавать ситуации, которые спровоцируют её называть его по имени, потому что рядом с ней он на мгновение перестаёт быть функцией и становится тем маленьким мальчиком, которого когда-то звали Эриком.

Она проходит мимо их компании, а он нарочно, поймав момент, когда она окажется максимально близко, едва коснувшись её плечом, обращается к ней:

- Привет, снежная королева. Куда так спешишь?

Она тихо, почти шёпотом отвечает:

- Доброе утро, Эрик.

И быстро пробегает мимо, оставив его вопрос без внимания и ответа.

Его друзья, стоящие рядом, даже не обратили внимания. Они привыкли к её странностям. Но сам Вайсман замер. Это имя, произнесённое её мягким, нежным голосом, прозвучало как выстрел в тишине. Его кулаки непроизвольно сжались в карманах стильного пиджака. Он ненавидел то, как легко

она ломает его дистанцию. Ему хотелось окликнуть её, надерзить, заставить называть его так, как это делают все, но вместо этого он стоял и смотрел ей вслед, чувствуя, как внутри ворочается что-то давно забытое и очень живое. В это момент он злился на неё за то, что она знает его настоящий пароль, который он сам почти забыл.

Чаще всего она не обращается к нему напрямую, потому что старается избегать его компании и держаться и от них, и от Вайсмана подальше. Но то обстоятельство, что она не обращается к нему напрямую, а использует его имя в разговорах с другими, создаёт эффект дистанционной интимности. Она не претендует на него, не заигрывает, но при этом единственная владеет его настоящим «я». Когда он случайно слышит, как она говорит подруге: «У Эрика был самый сложный доклад на семинаре», его прошибает ток. Для всех остальных это просто фраза, но для него звучит так, будто она коснулась его обнажённой кожи.

Она его избегает, обходит его компанию стороной, никогда не ищет встречи. Это бьёт по его самолюбию. Он привык, что девушки либо вешаются на него, либо заискивают. Её же тактика – полный игнор плюс безупречная вежливость, которая не позволяет назвать человека по кличке, создаёт парадокс. Она ведёт себя так, будто он для неё – обычный парень, просто сокурсник, а не король универа. Эрику кажется, что она знает о нём что-то, чего не знают другие. Это рождает в нём одержимость. Он начинает следить за ней, чтобы

снова поймать этот момент, когда она произнесёт: «Эрик».

В её мире всё упорядочено и уважительно. И то, что он вписан в этот её правильный мир под своим настоящим именем, выбивает почву у него из-под ног. Он чувствует себя разоруженным. Когда она говорит: «Эрик», она будто снимает с него бронжилет, оставляя беззащитным перед всеми, хотя сама даже не смотрит в его сторону. А его при этом словно под рёбра ударили. Ни «Вайс», ни «Вайсман», ни даже язвительное «этот мажор». Только - Эрик. Так, словно, она имела на это право. Так, словно она видела его по вечерам дома, а не в универе в окружении свиты.

Это бесило до дрожи. Она игнорировала его существование, не отвечала на его вызывающие взгляды, демонстративно уходила в другой конец коридора, стоило его компании появиться на горизонте. Она не хотела иметь с ним ничего общего. Но это «Эрик», сорвавшееся с её губ так естественно, вызывало в нём пугающий резонанс. Она звала по имени человека, который давно умер внутри него вместе с матерью, и это делало её самой опасной девчонкой в универе.

Когда подруги в коридоре захлёбываются восторгом: «Ты видела, на какой тачке сегодня приехал Вайс?», она, поправляя тетради в аккуратную стопку, невозмутимо отвечает:

- Нет. Не заметила.

Весь универ заметил, а она – нет!

Или, когда он подошёл к автомату с кофе, а группа девчонок не заметила его появления, и Вика, тайно влюблённая в

него, начинала говорить с придыханием, волнуясь:

- О боже, Вайс сегодня такой взвинченный, это так сексуально.

И в это же время на эмоциональный восторг Вики, слышится реакция Нели:

- Это больше похоже на отсутствие воспитания. Это просто... утомительно. Пойдёмте, девочки, у нас скоро лекция.

Эрик замер, так и не нажав на кнопку автомата. Реакцией на её тихое, деликатное, но убийственное пренебрежение становится ярость. Внутри него всё клокотало от эмоций. «Утомительно?» Он для неё – просто скучная помеха? Досадный шум, богатый выскочка, на которого даже не стоит тратить эмоции? Он ловит себя на мысли, что хочет доказать этой правильной девочке, что он не просто выскочка. Но как это сделать, если она его даже не замечает?

Но в то же время в ушах продолжало вибрировать это тихое, почти интимное «Эрик».

Никто больше не произносил его имя с такой безупречной дикцией. Никто не вкладывал в него столько смысла, пусть и отрицательного. Отец называл его «Вайсман», ожидая отчётов, друзья орали «Вайс», ожидая выпивки. И только эта девчонка, которая его презирала, звала его так, как когда-то звала мама – по имени.

Для Эрика Вайсмана желание завладеть вниманием скромной, но такой недоступной девушки превращается в

настоящую одержимость. Он, который привык покупать курсы, внезапно проводит ночи за учебниками и источниками по юриспруденции не ради оценки, а ради одного-единственного предложения, которое может сорваться с её губ.

На следующем семинаре у вредного и дотошного профессора Арсеньева он выступал перед аудиторией с блеском. Это был не просто доклад – это было шоу интеллекта, приправленное его природной харизмой. Эрик видел, как вытянулись лица друзей, как одобрительно кивал сам профессор. Но взгляд Эрика, как радар, был сфокусирован только на ней.

Она не аплодировала. Она просто записывала что-то в тетрадь, изредка поднимая на него спокойный взгляд. Ни восхищения, ни фанатского визга. Только внимание.

После семинара Эрик намеренно задержался у двери, делая вид, что перекладывает вещи в рюкзаке, пока она с Машей Снегиной проходила мимо. Он весь превратился в слух, ожидая заслуженной награды.

- Ты видела?! – Маша чуть ли не подпрыгивала, - Вайс сегодня превзошёл сам себя! Он был такой умный, такой уверенный... Прямо настоящий лидер. Скажи же, он был крут?

Неля поправила за ухо выбившийся непослушный локон и ответила ровным, учительским тоном. В её голосе не прозвучало ни капли того восторга, которого он так жаждал.

- Да, Маша, Эрик сегодня действительно хорошо выступил. Тема раскрыта глубоко, структура логична. Похоже, он

наконец-то решил заняться делом. Это похвально.

Она произнесла это так, будто оценивала работу прилежного школьника-малолетки или исправляющегося двоечника. Сухо. Объективно. По-деловому. Его накрыло волной гнева. «Похвально?!» И это всё?! Всё, на что он может от неё рассчитывать? В натуре, «Похвально?!» Он ждал, что она будет поражена, что она посмотрит на него как на гения. А она назвала это «похвальным». Она оценила его сверху вниз, как будто она – высший арбитр, а он – всего лишь студент, который наконец-то соизволил выполнить домашнее задание.

Но одновременно с этой яростью в груди разлилось странное тепло. Она снова сказала это. «Эрик». В её устах это имя прозвучало как признание его личности отдельно от «Вайса». Она не сказала: «Вайс подготовился». Она признала, что за этим докладом стоял человек.

Он понял, что её невозможно «купить» или «впечатлить» разовым актом. Для неё он всё ещё оставался проектом, который только-только начал подавать надежды. И это бесило его больше всего: чтобы она посмотрела на него без этого сухого презрения, ему придётся действительно стать тем, кем он притворился на этом докладе.

«Похвально? Серьёзно? Я убил на это три ночи, перерыл все архивы, а она говорит об этом так, будто я просто удачно завязал шнурки. Она невыносима. Эта её манера звать меня... Она произносит его так чётко, так правильно, словно пробует на вкус старинное вино, которое ей не очень-то и

нравится. Злит. До хруста в зубах злит. Но почему я сейчас стою и улыбаюсь как идиот, глядя ей в спину? Потому что она единственная, кто заметил, что доклад сделал я, а не мои деньги. Она заметила во мне Эрика», - размышлял парень, медленно покидая аудиторию и направляясь к лестнице.

Ему удалось перехватить её на первом этаже. Она шла своей привычной спокойной походкой, прижимая к груди учебники. Он преградил ей путь. Этот разговор был для него неизбежен. Его раздутое эго требовало столкновения, а израненное сердце – подтверждения того, что он для неё существует. Эрик скрестил руки на груди, весь его вид излучал уверенность и силу, но внутри всё натянулось, как тонкая струна.

- Знаешь, а я ждал, что ты соизволишь подойти и поздравить меня с докладом лично, - начал он с привычной усмешкой, стараясь звучать развязно, - Но ты, как обычно, выше этого, да, принцесса?

- Я уже сказала Марии, что доклад был достойным, - ответила она спокойным, ровным голосом, - Не знала, что тебе так важно моё личное мнение... Эрик.

Он почувствовал, как по позвоночнику пробежал холод от этого звука своего имени.

- Вот об этом я и хотел спросить, - парень сделал шаг к ней, вторгаясь в её личное пространство, - Почему ты это делаешь? Почему «Эрик»? Весь универ зовёт меня Вайсом. Даже преподаватели иногда сбиваются на фамилию. А ты...

ты как будто в другом измерении живёшь. Марии, профессора по имени-отчеству... Тебе что, сложно быть как все?

Девушка слегка наклонила голову набок, и в её взгляде на мгновение промелькнула странная смесь жалости и твёрдости.

- Тебе действительно хочется быть «как все», Вайсман? – Неля специально выделила его фамилию, и она прозвучала в её устах как холодный приговор. Эрику даже почудился гул пронизывающего северного ветра и пробирающий до дрожи сквозняк.

Да, он знал, что «Вайс» - это бренд. Этого персонажа создал он сам для своих друзей и для тех, кого хотел впечатлить. А она... она, оказывается, предпочитает видеть людей, а не их социальные роли.

- Ты меня даже не знаешь! – возмутился Эрик, и его голос прозвучал громче, чем обычно.

- Именно поэтому я зову тебя по имени, - Неля посмотрела ему прямо в глаза, и Эрик на мгновение увидел в них отражение той самой честности, которой ему так не хватало.

Да, она права. Тысячу раз права, черт побери! Имя – это то, что остаётся у человека, когда у него забирают деньги, машины и статус. Он злится, потому что его имя напоминает ему о ком-то, кем он боится быть. И в эту же секунду Неля его ошаршила продолжением своей фразы:

- Мне кажется, что Эрик гораздо интереснее, чем Вайс. Даже если он – богатый выскочка, - произнесла она своим

коронным холодно-отстранённым тоном, обошла его и направилась к выходу.

Эрик остался стоять на месте и смотреть ей вслед. Его злило, что она его раскусила. Злило, что она назвала его выскочкой прямо в лицо, даже не повысив голоса и не перейдя на хоть какие-то эмоции.

Но больше всего его пугало то, что Неля была единственным человеком, не считая его младшей несмышлёной сестрёнки, который за последние годы вообще обратился к нему – к тому настоящему парню, чьё имя когда-то ласково проносила мама. Эта девчонка не просто называла его Эриком, она заставляла его самого вспомнить, что он- Эрик.

Он ударил кулаком по стене и поморщился, но не от боли, а от осознания того, что его броня пробита окончательно. И пробила её девчонка, которая даже не хотела с ним разговаривать.

Глава пятая. Свита короля

«Свита делает короля, но она же его и топит, когда смех становится громче совести»

Уильям Шекспир

Неля сидела в самом дальнем углу аудитории, пытаясь сосредоточиться на конспектах. Стук каблучков по паркету за-

ставил её поднять взгляд. Кристина стояла в нескольких шагах от неё, смотрела в маленькое зеркальце внутри раскрытой пудреницы и поправляла безупречный макияж. Она не смотрела на Нелю напрямую, любуясь своим идеально ухоженным лицом в зеркальце. На её губах играла едва заметная, ядовитая улыбка. Кристина доверительно понизила голос:

- Ты наверно не в курсе? Весь их чат уже неделю гудит. Парни поставили на кон его новый «Гелендваген», что Вайс заставит тебя влюбиться до конца семестра. Вайс всегда идёт до конца, когда на кону такие ставки.

Неля почувствовала, как всё тело сковывает холодом.

- Я знала...я знала, что это пари.

- Ну, конечно, - Кристина закрыла пудреницу, подошла ближе и сочувственно коснулась её плеча, но в глазах блеснуло торжество, - Просто совет на будущее: такие, как Вайс, не влюбляются в серых мышек. Они на них только тренируются. Не принимай это близко к сердцу, Вайс просто азартный игрок.

Кристина ушла, оставив Нелю в полной тишине. Теперь каждое доброе слово Эрика, каждый его взгляд и каждый поступок превратились в глазах Нели в грязное средство для победы. Ложь Кристины легла на благодатную почву её страхов.

На занятиях по физкультуре, которые проводились на стадионе, Неля старалась стать невидимкой, наблюдая за компа-

нией с края спортивной площадки. В центре внимания был Эрик, но всё её существо сжималось от присутствия Марка Авдеева. Если Эрик в своём агрессивном кураже казался понятным, то Марк выглядел как опасный хищник, которого спустили с поводка.

Марк воплощает образ тёмного принца с полным отсутствием тормозов. Его внешность – это микс дорогого небрежного стиля и открытого вызова обществу. У него хищные черты лица и колкий, пронзительный взгляд угольно-чёрных глаз, в которых читается снисходительность. На губах почти всегда играет дерзкая ухмылка, дающая понять, что он хозяин положения. Длинные до плеч чёрные волосы выглядят ухоженно, но Марк предпочитает собирать их в небрежный пучок, открывая лицо. Его семья менее богатая, чем семьи Вайсмана и Мартенса, и уж тем более, не такая влиятельная, но всё-таки занимает солидное положение в городе. Но несмотря на статус, Марк игнорирует костюмы, выбирая эстетику неформала. На нём идеально сидящая чёрная кожанка, тяжёлые цепи и массивное кольцо в ухе. Он высокий, хотя ниже ростом, чем Эрик, но статный, с походкой человека, привыкшего, что перед ним открываются все двери. Руки и шея Марка покрыты плотными татуировками, которые выглядывают из-под одежды, добавляя ему опасное обаяние плохого мальчика. Это парень, который тратит большие деньги на то, чтобы выглядеть так, будто ему плевать на общественные нормы.

Марк опасно доминировал в пространстве. Сидя на скамье в распахнутой кожанке, он небрежно закинул ногу на ногу, и Неля видела, как на его шее и руках переплетаются чернильные узоры татуировок, похожие на клеймо его дурного характера. Когда он резко встряхивал головой, поправляя чёрный пучок, в ухе хищно поблескивало кольцо.

Больше всего её пугал его колкий, тяжёлый взгляд. Марк не просто смотрел – он словно препарировал её на расстоянии. Заметив, что Неля наблюдает, он не отвёл глаз, а лишь растянул губы в издевательской ухмылке, обнажая зубы. В его манерах сквозила грубая вседозволенность: он мог резко сплюнуть на асфальт или громко, цинично захохотать над какой-нибудь фразой Эрика, бросая в сторону девушки короткие, хлёсткие реплики, от которых ей хотелось бежать. Для него она была не личностью, а лишь новой забавой в их элитном кругу.

Марк лениво откинулся на спинку скамьи, вытянув длинные ноги в тяжёлых ботинках. Он крутил в пальцах зажигалку, и свет играл на звеньях массивной цепи на его шее.

- Слушай, забей ты на эту Нелю, - бросил он, кривя губы в циничной ухмылке, - Вчера у Ярика на хате были тёлки с иняза. Вот там был уровень. Одна, рыженькая такая, всё строила из себя принцессу полвечера...

Он сделал паузу, ловя взгляд Эрика, и его глаза блеснули холодным, порочным азартом.

- А потом мы зашли в ванную, и она так старательно мне

отсосала, что я чуть не забыл, как меня зовут. Причём, заметь, без лишних соплей и высоких чувств. Просто знала своё место и что ей за это перепадёт.

Марк хрипло рассмеялся, демонстрируя полное отсутствие стыда, и снова поправил выбившуюся прядь из чёрного пучка. Его татуированная рука соскользнула на колено, пальцы с силой сжались, подчеркивая грубую уверенность в своей правоте.

- Марк, - лениво заметил Эрик, чеканя баскетбольный мяч и слушая впечатления друга о вчерашней вечеринке, - Мне плевать на твоих подстилок.

Марк лишь приподнял бровь, и его взгляд стал ещё более колким.

- А ты думаешь твоя Неличка лучше моих подстилок? – протянул парень, издевательски понизив голос, - Ты присмотришься к ней повнимательнее, Вайс. И увидишь, что под внешностью ангелочка прячется такая же жажда бабла и кайфа, как и у моих шлюх. Просто она играет тоньше. А ты ведёшься, как пацан.

Неля, слышавшая каждое слово, почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота от этого липкого, грязного цинизма.

Марк резко поднялся, бросив на Эрика короткий, уверенный в своей правоте взгляд, и зашагал к выходу. Когда он проходил мимо Нели, которая замерла на краю скамейки, он замедлил шаг. Но его присутствие накрыло девушку удушливой волной дорогого парфюма и запаха сигарет.

Поравнявшись с ней, Марк на мгновение приостановился. Его высокий рост заставил Нелю невольно поднять голову, и она столкнулась с его колким, чёрным взглядом. Он не просто смотрел на неё – он сально, медленно окинул её фигуру с ног до головы, словно оценивая товар на витрине.

- Какие огромные глазки, - прошептал он ей прямо в лицо, обдав горячим дыханием, - Так и светятся ужасом. Боишься таких испорченных мальчиков, как я, крошка? Правильно делаешь. Такие глазки обычно очень выразительно закатываются, когда...

Он закончил фразу грязной, сочной шуткой, от которой у Нели вспыхнули уши, а внутри всё заледенело. Девушка непроизвольно сжалась, втянув голову в плечи и мечтая провалиться сквозь землю.

Марк не стал дожидаться реакции. Бросив последний издевательский взгляд на её дрожащие губы, он быстро отошёл, сохраняя напускное равнодушие. Он явно не хотел, чтобы Эрик, всё ещё стоящий у скамеек с мячом, заметил этот короткий, но двусмысленный контакт.

Неля смотрела в широкую спину Марка, видя, как перекатываются мышцы под чёрной кожанкой и как качаются цепи на его куртке в такт его уверенной, хищной походке.

Ник Мартенс – это воплощение сдержанной силы и аристократичного спокойствия. В отличие от яркого и импульсивного Эрика Вайсмана, Ник предпочитает оставаться в те-

ни, выполняя роль серого кардинала.

У Ника мужественные, но гармоничные черты лица. Его тёмно-серые глаза смотрят на мир с лёгким прищуром, в них читается холодный интеллект и абсолютная уверенность. Вместо дерзких ухмылок, свойственных их компании, на его губах лишь едва заметная улыбка – жест человека, который видит людей насквозь. Короткая, безупречно аккуратная стрижка, почти чёрные волосы подчёркивают бледность кожи и строгость образа.

Мартенс игнорирует костюмы, предпочитая качественный casual. Его любимый стиль – глубокого тёмно-синего цвета рубашка с подвернутыми рукавами и идеально сидящие чёрные джинсы. Это выглядит просто, но стоит целое состояние. На предплечье виднеется татуировка, контрастирующая с его образом сына дипломата. На запястье – швейцарские платиновые часы, и это единственный маркер его колоссального богатства, который он носит без тени хвастовства. Ник выглядит настолько уверенно и самодостаточно, что не ищет внимания, потому что знает: когда он заговорит, слушать будут все. Единственная легкомысленная вещь в его жизни – приобретение ярко-красного «Порше», и этот поступок настолько не сочетается с привычным образом холодного умеренного парня, что вызвал лёгкую оторопь даже у самых близких друзей.

Все знают, что Ник Мартенс – стабилизирующий центр компании. В то время как Эрик Вайсман горит ярким, по-

рой разрушительным пламенем, Ник остаётся холодным и твёрдым в своих намерениях и целях, словно гранитная скала. Ника Мартенса невозможно вывести из себя. В моменты, когда ситуация накаляется до предела- будь то конфликт в клубе или проблемы с законом – он не повышает голоса. Его степенность и размеренные движения создают вокруг него зону безопасности. Он единственный, кого лидер компании слушает беспрекословно. Ник мастерски предотвращает импульсивные поступки друга, просто положив руку ему на плечо или бросив короткую, точную фразу, которая мгновенно остужает пыл Эрика Вайсмана. Нели уже догадалась, что Ник что служит громоотводом для Эрика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.